

П. О. КАРЫШКОВСКИЙ

К ИСТОРИИ БАЛКАНСКИХ ВОЙН СВЯТОСЛАВА

Ни в чем, быть может, не выразились столь осязательно масштаб и историческое значение русско-византийской войны на рубеже 60-х и 70-х годов X в., как в том, что этими событиями живо интересовались современники и потомки¹. Но даже и признавая, что главное место среди источников для изучения походов Святослава занимают произведения византийских историков и хронистов², все же необходимо принимать во внимание и краткие свидетельства других письменных источников, которые дополняют известия Льва Диакона, Скилицы и Зонары многими существенными подробностями, позволяют исправить ряд неточностей и тенденциозных искажений действительности у этих византийских писателей и тем самым способствуют восстановлению и правильному пониманию одного из важнейших эпизодов русско-болгарских и русско-византийских отношений.

В силу этого становится необходимым и специальное рассмотрение всей совокупности сохранившихся первоисточников о Балканских войнах 968—971 гг. Но если при изучении византийской историографии бросается в глаза взаимосвязь и преемственность соответствующих известий в разновременных памятниках, вплоть до XV в. включительно, что свидетельствует о чрезвычайном интересе к этим событиям, сохранявшемся в Византии до самого конца ее существования, — то, имея перед собой произведения византийской художественной литературы, русскую летопись, труды восточных и западноевропейских историков X—XI вв., мы имеем право говорить о международном значении Балканских войн именно потому, что они нашли отражение в разнообразных, разноязычных и вовсе не связанных между собою произведениях средневековой письменности. Выделяя из всего числа сохранившихся памятников, содержащих известия об этих событиях, сообщения «Повести Временных лет», как предмет, требующий отдельного рассмотрения, мы ставим перед собой в настоящем очерке задачу суммировать данные всех остальных письменных источников о Балканских войнах Святослава³.

Русско-византийская война при Святославе, угрожавшая самому существованию Византийского государства, нашла свое отражение в современных

¹ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 454; ср. М. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 164—165.

² О византийских исторических сочинениях в связи с походами Святослава см. М. Я. Сюзюмов. Об источниках Льва Диакона и Скилицы. Виз. О., II, вып. I, 1916; П. О. Карышковский. Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе. ВВ, т. VI, 1953.

³ «Монеты Святослава», о которых в последнее время упоминает В. В. Мавродин (Образование Древнерусского государства. Л., 1945, стр. 278), относятся ко времени Второго Болгарского царства и не имеют никакого отношения к походам Святослава Игоревича.

памятниках византийской художественной литературы. Упоминания о ней имеются, с одной стороны, в стихотворениях Иоанна Геометра, современника Никифора Фоки, Иоанна Цимисхия и Василия II, и с другой — в сатирическом диалоге «Филопатрис».

Стихотворения Иоанна Геометра впервые были использованы в качестве исторического источника В. Г. Васильевским, сгруппировавшим их вокруг определенных исторических событий второй половины X в. и определившим время жизни автора, которого до той поры относили к самым различным эпохам. Почти на двадцать лет позднее Васильевского те же мысли были высказаны итальянским филологом П. Такки-Вентури¹.

Иоанн Кириот, — по прозвищу, полученному, вероятно, за математические занятия, Иоанн Геометр, — был сыном крупного сановника, патрикия Феодора, который, по словам поэта, «был опорой и украшением государства» и скончался в глубокой старости. По вероятному предположению Васильевского, именно этот Феодор упоминается в качестве стратига во время войны Иоанна Цимисхия со Святославом². Иоанн обучался у известного математика Никифора и у не менее прославленного юриста Феодора Декаполита; обоим были посвящены им небольшие стихотворения³. Уже в молодости поэт имел возможность говорить о своих успехах в науках; его сочинения также свидетельствуют о знакомстве с Гомером, с классической литературой и философией и о любви к научным занятиям⁴. Эта последняя совмещалась, однако, с повышенной религиозностью, и Иоанн, получив уже титул протоспафария, вступил в Студийский монастырь. Впоследствии он был епископом и окончил свою жизнь митрополитом Мелитенским (в Каппадокии). Время его смерти неизвестно; вряд ли он пережил, впрочем, долгое царствование Василия II⁵.

Время жизни Иоанна Геометра совпало с переломным моментом в истории Византийской империи. Вопреки утверждениям современных западных византологов, обычно идеализирующих время правления императоров Македонской династии, это был период окончательного оформления феодальной собственности на землю, являющейся, как это было указано И. В. Сталиным, «основой феодализма»⁶, время закрепощения крестьянства и уничтожения остатков городского самоуправления, эпоха полного засилья феодальных магнатов, монастырей и многочисленного чиновничества⁷. Вместе с тем именно вторая половина X в. была для империи

¹ В. Г. Васильевский. К истории 976—986 гг. Труды, т. II, вып. I. СПб., 1909, стр. 106 слл., впервые напечатано в ЖМНП, 1876, кн. 3; ср. P. Tacchi-Venturi. De Ioanne Geometra etc., «Studi e Documenti di Storia e Diritto», т. XIV, вып. 2, 1893, стр. 135—136. Об Иоанне Геометре см. М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 179 и слл.; К. Krumbacher. Geschichte der Byzantinischen Litteratur, 2. Aufl. München, 1897, S. 731 ff.; К. Стоянов. Иван Геометр и византийската култура на негово време. «Духовна Култура», кн. 26—27, 1925, стр. 196 слл.

² Ioannis Geometrae Carmina etc., PG, t. CVI («в дальнейшем сокращенно М»), № 153, col. 974 A; также Anecdota Graeca e codd. mss. Bibl. Reg. Parisiensis, ed. A. Cramer, т. IV. Оксфорд, 1841, стр. 340 («в дальнейшем сокращенно С»); также М., № 11, col. 916 B—917 A (С 280) и М., № 137, col. 962 A—B (С 329). Ср. В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 109; также Scylitza (Cedrenus), ed. I. Bekker, t. II. Bonn., 1839, p. 398, 6; 409, 3.

³ Ibid. М., № 45, col. 929 A (С 291); М. № 95, col. 942 B (С 305); М. № 138, col. 962 B (С 329) и М. № 67, col. 935 A—B (С 297—298).

⁴ В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 110. К. Krumbacher. Op. cit., S. 734.

⁵ Ioan. Geometra. М., № 96, col. 942 B—944 B (С 306—307); ср. В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 112.

⁶ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 41.

⁷ М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 137—138, 150—167; его же. «Сборник документов по социально-экономической истории Византии». М. 1951,

временем предельного напряжения всех сил государства, периодом многих кровопролитных и далеко не всегда удачных войн, частых мятежей непокорной малоазийской феодальной знати, восстаний болгар и других народов и, наконец, временем ряда выступлений народных масс.

Недаром другой современник, Лев Диакон, сравнивал переживаемые времена с периодом правления Юстиниана и, перечисляя бедствия, постигшие государство, усматривал в кометах и других небесных знамениях предвестников близкой гибели Ромейской империи¹. Печатью пессимизма отмечены и произведения Иоанна Геометра, одного из наиболее выдающихся идеологов византийских феодалов X в. Последнему по временам кажется, что многовековое здание империи уже рухнет под ударами иноплемеников, в то время как крестьяне изнемогают под непосильным бременем государственных налогов и феодальных поборов и повинностей, а столица потрясается от землетрясений². Всякое земное величие представляется ему непрочным: Византии суждено разделить судьбу Трои, и лишь слова философов дают поэту некоторое утешение и представляются нетленными³. Неудивительно, что главную опору и единственную надежду Иоанн находит в горячей вере в сверхъестественную помощь, и его глубокая религиозность превращается порой в презрение ко всему мирскому⁴. Суровое правление Василия II, мало расположенного к искусству и гуманитарным наукам, вызывает своеобразную оппозицию и даже гневное возмущение поэта: он видит вокруг власть пьянства, тирании, хищничества, насилия и убийства и с любовью вспоминает о царствовании Никифора Фоки⁵. Однако критика существующего строя не направляется у Иоанна Геометра против основ феодализма — он порицает лишь пороки верхов придворного общества, хотя и выражает порой некоторое сочувствие тяжелой участи земледельца. Любимым героем Иоанна является Никифор Фока, к памяти которого поэт неоднократно обращается впоследствии, а его преемнику не может простить захвата власти⁶. Но и судьба Никифора ведет в конечном счете лишь к банальному выводу о бренности земной славы и о слабости смертного человека перед лицом рока⁷.

Произведения Иоанна Геометра довольно многочисленны и разнообразны. Он оставил ряд небольших стихотворений, воспевающих христианские добродетели, четыре больших гимна в честь богородицы, похвалу св. Пантелеймону в ямбических стихах и несколько риторических сочинений на светские и духовные темы⁸. Несмотря на незаурядный поэтический

стр. 127—140; его же, рецензия на Г. Острогорского, ВВ, т. II, 1949, стр. 328 сл.; Э. В. Удальцова. Рецензия на Л. Брейе. ВВ, т. II, 1949, стр. 352; ср. также А. П. Каждан. «Великое восстание» Василия Медной руки. ВВ, т. IV, 1951, стр. 73 сл.; его же. Крестьянские движения в Византии в X в., ВВ, т. V, 1952, стр. 73 сл.

¹ Leo Diaconos, ed. C. B. Hase. Bonn., 1828, p. 169, 7—13 и др.

² Ioan. Geometra. M., № 125, col. 956 A—959 B (C 322—325); M., № 5, col. 907 B—909 A (C 271—273); ср. перевод В. Г. Васильевского. Указ. соч., стр. 121—123.

³ Ioan. Geometra. M., № 30, col. 921 B—922 A (C 285); ср. M., № 14, col. 917 B (C 281).

⁴ Ср. В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 112.

⁵ Ioan. Geometra. M., № 160, col. 977 B (C 343); M., № 1, col. 901 C—902 C (C 266—267); M., № 41, col. 927 A (C 290).

⁶ Ibid., M., № 24, col. 920 A—B (C 283); также стихотворение, помещенное в некоторых списках хроники Скилицы. Scylitza (Cedrenus), ed. Bonn., t. II, p. 378, 23—49; ср. M., № 2, col. 904 B (C 268).

⁷ Ibid., M., № 41, col. 927 (C 290)

⁸ Они напечатаны в т. CVI, col. 812—901. Общий обзор см. K. Krumbacher. Указ. соч., стр. 734—735; ср. В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 107; П. Сырку, Византийская повесть об убийстве имп. Никифора Фоки СПб., 1883; стр. 97 сл.

талант и серьезную эрудицию автора, перечисленные произведения дают сравнительно немного материала для социальной и политической истории его времени. Значительно большую ценность представляет в этом отношении небольшой сборник эпиграмм и стихов на разные случаи, в которых поэт, чутко откликаясь на многие современные события, находит для их характеристики яркие сравнения и создает запоминающиеся образы. Именно среди стихотворений этого рода, насыщенных подлинно эмоциональным содержанием, находится несколько ценных дополнений к известиям историков и хронистов; следует также отметить, что эти произведения были впоследствии использованы Манассией в его хронике.

Стихотворения, вошедшие в состав указанного сборника, составлены в различное время: одна часть их написана еще при Никифоре Фоке, а другая, насколько можно судить, относится к последним годам X столетия. Сборник отличается пестротой содержания: здесь и свободные подражания церковным песнопениям, и эпиграммы на древних философов, стихотворения в честь императоров, эпитафии современникам, обращения к богородице и святым и даже одна загадка. По объему и форме они также различны; встречаются и гексаметры, и элегические дистихи, и ямбические триметры; и двустушия, и четверостишия и пьесы в сто-двести стихов¹. По своему общему характеру стихотворения Иоанна Геометра отражают быт и интересы верхов византийского общества, но иногда в поле зрения автора попадают и трудящиеся; в этом отношении особенно заслуживает внимания довольно большое стихотворение, посвященное поездке Иоанна из Константинополя в Силиврию. Яркими и выразительными красками рисует поэт тяжелое положение византийского крестьянина, истощенного непомерным налоговым обложением и страдающего, кроме всего прочего, от стихийных бедствий и губительных вражеских нашествий². В другом стихотворении Иоанн Геометр скорбит о том, что в его время в Греции звучит уже не эллинская, а «варварская» речь, подтверждая, таким образом, правильность воззрения, что славяне распространились до южных пределов Балканского полуострова³. В некоторых пьесах упоминаются различные эпизоды византийской истории: междоусобная война Варды Фоки и Варды Склира, нападение иверов на восточную границу, восстание болгар под руководством комитопулов, поражение Василия II при Триаднице и т. п.⁴

Непосредственно к событиям, связанным с войной Руси при Святославе, В. Г. Васильевский отнес (и то с оговоркой) всего одно стихотворение, не помещенное Крамером и Минем в числе произведений Иоанна Геометра, но включенное в некоторые списки хроники Скилицы после описания гибели Никифора Фоки, с указанием, что оно составлено Иоанном, епископом Мелитенским⁵. Нельзя не признать, однако, что «настроение, тон и язык здесь совершенно те же, что и во всех подобных произведениях Иоанна Геометра», и что Васильевский прав, отождествляя обоих Иоаннов⁶. Это стихотворение говорит об опасности, угрожающей государству

¹ О времени составления отдельных стихотворений см. В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 110, слл.

² Иоанн Геометра, М. № 125, col. 956 А—959 В (С 322—325), ср. перевод В. Г. Васильевского. Указ. соч., стр. 121—122.

³ Ibid., М., № 33, col. 922 В (С 285).

⁴ Ibid., М., № 7, col. 910 А—911 А (С. 274—275); № 21, col. 919 А (С. 282); М., № 24, col. 920 А—В (С 283); М., № 63, col. 934 А (С 296); ср. Leo, pp. 171.1—173.11.

⁵ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 378; также в примечаниях Газе ко Льву Диакону, стр. 453.

⁶ В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 114—115. Ср. П. Сырку. Указ. соч., стр. 97—100; Ф. И. Успенский. Русь и Византия в X в., Одесса, 1888;

и самому царственному граду со стороны русского оружия и других ино-племенников; ввиду крайнего бедствия поэт обращается с призывом о помощи к своему излюбленному герою Никифору Фоке, тогда уже погибшему:

ὀρμᾷ καὶ ἡμῶν Ῥωσικῇ πανοπλίᾳ,
 Σκυθῶν ἔθνη σφύζουσιν εἰς φονουργίας,
 λεηλατοῦσι πᾶν ἔθνος τὴν σὴν πόλιν,
 ὅς ἐπτόει πρὶν καὶ γεγραμμένος τύπος.
 Во всеоружьи Русь стремится против нас,
 Народы Скифии поднялись на войну,
 И всякий тот народ, кто прежде даже вида
 Страшился твоего, — столицу грабит ныне.

Стихотворение передает, таким образом, настроения византийской знати в тот момент, когда Константинополь дрожал перед русскими и их союзниками, и является хорошим коррективом к хвастливым повествованиям византийских историков¹.

Представляется возможным предполагать, что к тем же событиям относится и другое стихотворение²:

κατὰ Σκυθῶν πρὶν συμμάχους, νῦν δὲ Σκύθας,
 λήψοισθε θράξεις, συμμάχους πρὸς τοὺς φίλους.
 σκίρτᾱτε καὶ κροτεῖτε φυλά Βουλγάρων,
 καὶ σκῆπτρα καὶ τὸ στέμμα καὶ τὴν πορφύραν
 κρατεῖτε καὶ φορεῖτε, καὶ φοινικίδας. . .
 . . . μεταμφιάσει καὶ ξύλοις τοὺς αὐχένους
 μακροῖς, συνέξει, καὶ κυφῶσι τοὺς πόδας.
 ξανεὶ δὲ πολλαῖς νῶτα καὶ τὴν κοιλίαν.
 ἀνθ' ὧν ἀφέντες δημιουργεῖν,
 τοὺτους φορεῖν τολμᾶτε καὶ φρονεῖν μέγα.

Примите против тех, кто с вами против Скифов
 В союзе прежде был, — в союз, Фракийцы, Скифов!
 Пляшите, племена Болгарии, ликуйте,
 Владейте скипетром, имейте диадему
 И гордо царственной порфирой украшайтесь! . .
 . . . Иная ждет одежда вас: колодка
 На ноги, и ярмо на согнутую шею,
 И бич со всех сторон покроет вас рубцами
 За то, что вы носить осмелились кичливо
 Одежду царскую, обычный труд осгавив.

В. Г. Васильевский (и М. А. Шангин) считает названных во втором стихе фракийцев греками и видит здесь указание на заключение союзного договора между Василием II и Владимиром Святославичем, направленного против болгар, а упоминание о прежнем союзе фракийцев-греков с болгарами относит ко времени совместного их выступления против Святослава³.

стр. 28; его же, Акад. В. Г. Васильевский. ЖМНП, 1899, кн. 10, стр. 11; К. Кутшбасhev. Указ. соч., стр. 731; М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 179; Б. Д. Греков. История древних славян и Руси в работах акад. В. Г. Васильевского. ВДИ, 1939, кн. 1, стр. 348.

¹ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 348; его же. Киевская Русь, стр. 458—459; В. В. Мавродин. Указ. соч., стр. 279—280; Ф. И. Успенский. Значение походов Святослава в Болгарию. ВДИ, 1939, кн. 4, стр. 94—95.

² Ioan. Geometra, M. № 22, col. 919 B (C 282—283).

³ В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 117—118.

Этому пониманию противоречит, однако, и то, что Владимир, повидимому, никогда не выступал в союзе с греками против дунайских болгар, и то, что Святослав, наоборот, действовал против Византии с помощью Болгарии¹.

Кроме того, в стихотворении, озаглавленном *εἰς τοὺς Βουλγάρους*, вообще вряд ли можно ожидать встретить на первом месте обращение к грекам. Ввиду этого представляется возможным признать во фракийцах тех же болгар, к которым адресовано и все стихотворение. В таком случае и смысл его становится понятным: византийский поэт обращается к нарушившим прежний союз с греками болгарам, иронически советуя им принять в союз скифов (т. е. Русь), а затем, указывая, что болгары незаконно владеют знаками царского достоинства, перечисляет беды, которые должны на них обрушиться, — очевидно, в результате ожидаемой победы византийцев. Отсюда следует, что стихотворение написано в момент перехода болгар на сторону Руси и совместного их выступления против Византии, и его естественно отнести ко времени второго похода Руси на Балканы при Святославе. С этим согласуется и насмешка над царскими регалиями болгар, после смерти официально признанного в Константинополе царем Петра (умер 30 января 969 г.) греки рассматривали царский титул Бориса как узурпацию; упоминание же о прежнем союзе греков с болгарями против Руси относится, по всей вероятности, к переговорам Никифора с болгарями осенью 969 г., если только вообще не имеется в виду поведение последних во время похода Игоря².

В заключение следует остановиться еще на одном стихотворении Иоанна Геометра, ошибочно отнесенном Ф. И. Успенским в одной из его популярных работ к походу Святослава. Несмотря на то, что все содержание отрывка говорит о землетрясении, разрушившем столицу значительно позже, В. В. Мавродин считает возможным также использовать эти данные для изображения смятения и растерянности, охвативших византийцев во время неудач в войне против Святослава. Однако в данном случае следует полностью согласиться с Васильевским, установившим, что стихотворение писано не ранее осени 989 г.³

Некоторые указания на размеры опасности, угрожавшей Византии во время войны со Святославом, можно отыскать и в диалоге «Филопатрис», принадлежащем к числу нескольких подражаний Лукиану, возникших в византийской литературе. Этот любопытный памятник сохранился в единственной рукописи вместе с собственнoу Лукиановыми диалогами и часто перепечатывался вместе с ними, даже после того, как было доказано, что он не принадлежит к числу произведений «Вольтера классической древности» — как называл самосатского философа и риторa Ф. Энгельс⁴.

¹ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 466; его же. Волжские болгары в IX—X вв. ИЗ, т. 14, 1945, стр. 15—16; А. П. Смирнов. Волжские булгары. ТРГИМ, вып. 19, 1951, стр. 43—44; М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами. «Славянский Сборник». ОГИЗ, 1947, стр. 143 сл., П. О. Карышковский. Русско-болгарские отношения во время Балканских войн Святослава. ВИ, 1951, кн. 8, стр. 101 сл.

² Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 452 сл.; В. В. Мавродин. Указ. соч., стр. 287 сл., где указаны источники и литература вопроса.

³ Иоанн. Геометра. М., № 5, col. 907 В—909 В (С 271—273); ср. В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 101—105 и 120—121. Иначе — Ф. И. Успенский. Русь и Византия в X в., стр. 27; В. В. Мавродин. Указ. соч., стр. 279. Датировка Васильевского подтверждается также данными Яхьи Антиохийского. См. В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883, стр. 215.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 411.

Содержание диалога, время действия которого отнесено к I в. христианской эры¹, несложно. Трифон встречает своего знакомого Крития на константинопольской пристани, и между ними завязывается спор о предметах религии. В этом споре Критий выступает как сторонник язычества, а Трифон, который еще недавно сам был язычником, рассказывает о своем переходе в христианство и старается обратить собеседника в свою новую веру. Однако весь этот спор не носит серьезного характера; в диалоге никак нельзя видеть сочинение, направленное против древнего язычества, и смысл памятника скорее политический, нежели религиозный². Собеседники перебираются остроумными, но в общем довольно безобидными репликами — таковы, в частности, и выпады против христианских догматов — и вскоре переходят на другой предмет: Критий рассказывает, что он заметил утром толпу странных людей, в которых нетрудно узнать монахов, и, вмешавшись в их ряды, попал на башню, где какие-то бледные люди занимаются наблюдениями неба и астрологическими выкладками. Оказывается, что все они являются врагами существующего порядка, ожидают поражения императорских войск на Востоке и предсказывают скорую смену на престоле. Пока Критий рассказывает об охватившем его возмущении, к собеседникам присоединяется третий, Клеолай, и сообщает радостную новость о взятии вражеской столицы. Диалог оканчивается общим проявлением восторга, причем Трифон выражает надежду, что дети его доживут и до более крупных успехов, а именно — увидят взятие Вавилона, поработенный Египет и прекращение губительных набегов скифов³.

«Филопатрис» является довольно близким подражанием Лукиану, которого в Византии именно в X в. усердно переписывали и изучали⁴. Не вдаваясь в оценку его как памятника художественной литературы, следует указать, что диалог представляет значительный интерес по своей антицерковной направленности и опровергает распространенный взгляд о религиозной окраске чуть ли не всех произведений византийской словесности⁵. Он вышел, как можно полагать, из среды, благожелательно настроенной по отношению к правящему императору. Неизвестный автор полон патристических чувств и выступает против узкоцерковной оценки деятельности императора враждебным последнему монашеству; вместе с тем автор не скрывает почти общего недовольства существующим положением⁶. Заслуживает внимания и известный налет вольнодумства, доходящий до отрицания некоторых догматов, что, впрочем, естественно для сочинения, хотя бы по внешности подражающего великому сатирику античности.

¹ Это явствует из того, что плешиный и длинноносый галлилеянин, обративший Трифона в христианство, обрисован теми же чертами, какими апокрифы наделяют «апостола» Павла. См. H. Kellner. *Hellenismus und Christentum*. Köln. 1866, S. 337; П. Тихомиров. Рецензия на Р. Крампе, ВВ, т. II, 1895, стр. 203; E. Rohde. *Philopatris*. BZ, V, 1896, стр. 11—12.

² A. Gfrörer. *Byzantinische Geschichten*, Bd. III, Graz, 1877, S. 70, 74, 77; B. G. Niebuhr. *Kleine Schriften*, 2. Samml. Bonn, 1843, S. 78; C. Neumann, Рецензия на Р. Крампе. BZ, V, 1896, S. 166—167; E. Rohde. *Op. cit.*, S. 10—12; K. Krumbacher. *Op. cit.*, S. 459. Противоположного мнения придерживаются A. v. Gutschmid. *Kleine Schriften*, Bd. V. Leipzig, 1894, S. 434 и R. Crampe. *Philopatris*. Halle, 1894, S. 24, 28, 33—34, 47, 61.

³ *Philopatris dialogus*, в приложении к боннскому изданию Льва Диякона, сар. 29, р. 341—342.

⁴ Забегая вперед, можно отметить, что на Лукиана ссылается и посетивший Византию и любящий щегольнуть греческой образованностью кремонский епископ Лиутпранд.

⁵ М. В. Левченко. История Византии, стр. 180; ср. также C. Aninger. *Abfassungszeit und Zweck des Philopatris*. «Hist. Jahrbücher der Görresgesellschaft», Bd. XII, 1891, S. 707 ff.

⁶ Там же; ср. также A. Gfrörer. *Op. cit.*, S. 82 ff.; C. Neumann. *Die Weltstellung des Byzantinischen Reiches*. Leipzig, 1884, стр. 32 слл.

Уже в XVIII в. было доказано, что диалог не принадлежит Лукиану, и время его составления было отнесено к правлению Юлиана Отступника. В первые годы XIX в. Б. Газе высказал мнение о принадлежности «Филопатриса» к византийскому времени. Несмотря на то, что Б. Г. Нибур вскоре действительно доказал, что диалог написан в конце правления Никифора Фоки, это мнение оспаривалось в течение всего XIX столетия¹: «Филопатрис» относили последовательно ко времени Юлиана, Валента, Юстиниана, Ираклия или Цимисхия, даже возвращались к мысли об авторстве Лукиана, пока, наконец, Э. Роде не подтвердил правильности датировки Нибура².

В самом деле, в диалоге высказывается, как уже было упомянуто, желание видеть «порабощенный Египет» (Αἴγυπτον δουλουμενν). Это, безусловно, свидетельствует о том, что последний ко времени составления диалога уже не являлся частью Византийской империи; можно даже предполагать, что автор рассматривает Египет в качестве давно потерянной области, ибо говорит о нем, как о чужой и враждебной стране³. Во-вторых, в рассказе Триефона содержится указание на варварское избиение девушек на Крите, которое — отметим это — было учинено византийским войском. Это как нельзя лучше соответствует словам современного поэта, воспевающего отвоевание Крита Никифором Фокой, а также показаниям Льва Диякона⁴. В-третьих, взятие крупного вражеского города, в котором нетрудно узнать Антиохию, и ожидание еще более крупных успехов на Востоке позволяют отнести время составления диалога к 969 г.⁵ Наконец, общее недовольство правлением Никифора и ожидание его свержения, ясно выраженные в диалоге, вполне соответствуют тому, что сообщают хронисты о последних месяцах царствования Фоки; быть может, в нем содержится даже намек на непопулярные финансовые мероприятия императора⁶. Таким образом, время составления диалога должно относиться ко времени между взятием Антиохии и свержением Никифора, — т. е. к ноябрю или началу декабря 969 г.

Точное определение времени возникновения памятника превращает двукратное упоминание о нападениях скифов в ценное историческое свидетельство, дополняющее показания других источников⁷. Из показаний Льва Диякона видно, что Никифор готовился к походу против Руси и всеми силами старался расколоть намечавшийся союз последних с болгарами, когда известие о взятии Антиохии заставило его задержаться в столице⁸. Сообщения диалога служат доказательством того, что военные действия

¹ B. G. Niebuhr. Op. cit., S. 73 ff.

² E. Rohde. Op. cit., S. 1—9; ср. K. Krumbacher. Op. cit., p. 460—461; М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 180.

³ Philopatris, cap. 29, p. 342. 1; ср. E. Rohde. Op. cit., S. 2.

⁴ Ibid., cap. 9—10, p. 330. 2—11; ср. B. G. Niebuhr. Op. cit., S. 74. A. Gfrörer. Op. cit., S. 66. См. также Theodosii Diaconi de Creta expugnatione, Acg. 5, vs. 85—114 (цит. по приложению к бонскому изданию Льва Диякона, стр. 304—305); Leo, p. 14.10—15.13 (но в рассказе о взятии Кандии Лев старается выгородить императора, — стр. 26, 8 слл.).

⁵ Philopatris, cap. 28—29, p. 341.8—342.3; ср. B. G. Niebuhr. Op. cit., S. 74—75; E. Rohde. Op. cit., S. 4. Вряд ли можно признать существенными возражения R. Crampe. Noch einmal Philopatris. BZ, VI, 1897, S. 144 ff.; ср. также А. П. Лебедев. Очерки внутренней истории византийско-восточной церкви, изд. 2. М., 1902, стр. 285—292.

⁶ Scylitza (Cedrenus), т. II. 368.2—370.12; 372.21—374.18; Zonaras, ed. Bonn., vol. III, p. 504.3—508.12; 513.17—515.18; ср. E. Rohde. Op. cit., S. 5—8.

⁷ Philopatris, cap. 17, p. 334.17—18; cap. 29, p. 342.2.

⁸ Leo, p. 78.14 sqq, особенно стр. 81.12—17. Однако Антиохия, вопреки утверждению Роде, была взята не летом, а 28 октября, и известие об этом не могло дойти до Константинополя раньше первых чисел ноября.

Руси против Византии начались еще до смерти Никифора, и опровергают тем самым заключение ученых, относивших второй поход Святослава на Балканы к 970 или даже к 971 г.¹ Таким образом, «Филопатрис» свидетельствует, с одной стороны, о том значении, какое представляла русская угроза для Византии уже осенью 969 г., а с другой, помогает уточнить хронологию событий.

Еще более важны для уяснения запутанной хронологии Балканских войн Святослава известия сирийского ученого X—XI вв. Яхьи Антиохийского, писавшего, как и многие сирийцы средневековья, по-арабски. О жизни и деятельности Яхьи сохранилось очень мало известий. Сопоставляя последние с высказываниями самого писателя, русский востоковед В. Р. Розен, впервые обративший внимание науки на забытый труд Яхьи, восстанавливает его биографию. Яхья, сын Саида, был родственником антиохийского патриарха Евтихия и родился, по всей вероятности, в конце 70-х годов X столетия в Египте. Он был врачом, и медицинские труды его пользовались известностью. Около 1014—1015 г. Яхья переселился из владений фатимидских халифов в Антиохию, находившуюся тогда под властью Византии, и там, достигнув преклонных лет, умер около 1066 г.²

Историческое сочинение Яхьи, впервые изученное и частично изданное вместе с переводом и обширными комментариями В. Р. Розеном³, было составлено в несколько приемов; первая редакция труда Яхьи появилась около 1007—1008 г.; после переселения в Антиохию он переработал свое произведение на основе новых материалов, ставших ему здесь доступными, и продолжал работать над своей книгой до самой смерти⁴. Однако в рукописях, бывших в распоряжении Розена, текст Яхьи не продолжался далее 1031—1033 г. — окончание сочинения было утеряно.

История Яхьи по своему характеру напоминает византийские хроники. Историк уделяет главное внимание придворной и династической борьбе в арабских государствах, старательно регистрирует смену христианских иерархов Востока, подробно описывает войны и самые незначительные столкновения между византийцами и арабами, отмечает появление комет и различные стихийные бедствия⁵. При этом в поле его зрения находятся лишь Египет, Сирия и Византия — труд его почти не содержит известий, относящихся к другим странам.

С точки зрения литературной, повествование Яхьи представляет собой только «сухой перечень фактов, без обсуждения и оценки их, кое-где даже настолько сжатый, что для правильного понимания необходимы справки в других источниках»⁶. На этом фоне заметно выделяется рассказ о Египте на рубеже X—XI вв., написанный живо, подробно и ясно, что заставляет предполагать в Яхье очевидца и участника событий. По заключению Розена, именно эта часть сочинения имеет наибольшую историческую ценность, в то время как в других местах в труде историка замечаются и

¹ См. об этом П. О. Карышковский. О хронологии русско-византийской войны при Святославе. ВВ, т. V, 1952, стр. 136.

² В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883, стр. 013 сл., особенно стр. 055—057. Ср. И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950, стр. 142; А. А. Васильев. Политические отношения Византии и арабов во время Македонской династии. СПб., 1902, приложение, стр. 58—59.

³ К сожалению, нам остались недоступными полный текст и перевод труда Яхьи, изданный в 1924—1932 гг. А. А. Васильевым и И. Ю. Крачковским в журнале «Patrologia Orientalis», тт. XVIII и XXIII.

⁴ Предисловие Яхьи в указанной книге В. Р. Розена, стр. 015—016; ср. замечания издателя, стр. 029—033 и 056.

⁵ См. подробный обзор всего труда — В. Р. Розен. Указ. соч., стр. 058—069 и извлечения, стр. 1—73.

⁶ В. Р. Розен. Указ. соч., стр. 069—070.

пропуски и путаница в собственных именах, в особенности, когда речь идет об отдаленных странах¹.

Наряду с этим следует отметить, что Яхъя сохранил большое количество таких материалов и сообщений, которых не имеется в других сохранившихся источниках. Таковы, например, сведения о болгаро-византийских отношениях при Василии II, таково весьма важное известие Яхьи о крещении Руси и многое другое. Необходимо также указать, что Яхье присуще стремление к хронологической последовательности и точности. Вся его история «отличается обилием точных хронологических данных, показывающих обыкновенно не только год, но и день недели, и число месяца»². Анализ этих дат, приводимых обычно по мусульманскому календарю, помогает установить источники труда Яхьи.

Вполне вероятно, что среди материалов, использованных Яхьей, были как арабские, так и греческие произведения. Среди первых можно с известной долей уверенности указать полностью утраченный исторический труд Гиляль ас Сабия, который продолжался до середины XI столетия³. С другой стороны, Яхъя имел в своем распоряжении и византийские источники, и притом такие, которые были впоследствии потеряны, как, например, хроника Феодора Севастийского; так, уже В. Р. Розен справедливо указал на близость рассказа Яхьи о низвержении Романа Лакапина с рядом греческих известий, и подобную же зависимость данных Яхьи в сообщениях о Никифоре Фоке установил П. Сырку. Наконец, Ф. И. Успенский, изучив известия Яхьи о болгаро-византийских отношениях конца X и начала XI в., предположил, что у него было в руках ораторское произведение, «в котором, по обычаю времени и требованиям стиля, лица не назывались, а только описывались», а также документы, определявшие условия подчинения Болгарии⁴.

В летописи Яхьи Антиохийского содержится несколько упоминаний о Руси. Оставляя в стороне его рассказ о крещении Руси и известие о походе Игоря, следует остановиться на его сообщениях о Балканских войнах 968—971 гг. Упомянув о смерти императора Романа II, Яхъя сообщает о провозглашении Никифора императором и подробно рассказывает о его войнах с арабами; затем он отмечает, что болгары опустошали в это время окраины империи и поэтому Никифор заключил мир с руссами, с которыми он вел войну, и договорился с ними о нападении на Болгарию. В начавшейся войне руссы оказались победителями и заняли город Т-л-с-ра (Доростол?). Этот рассказ помещен среди событий 357 г. хиджры (декабря 967—24 ноября 968 гг.)⁵.

Несколько ниже, после известия о взятии Антиохии, Яхъя приводит обширную характеристику Никифора и снова отмечает, что он «дал власть руссам над землями болгар», а затем сообщает об убийстве Никифора и воцарении Цимисхия, причем указывает, что брак последнего с Феодорой был решен непосредственно после провозглашения нового императора, еще до восстания Варды Фоки⁶. Упомянув о подавлении этого восстания,

¹ В. Р. Розен. Указ. соч., стр. 071—074; ср. Ф. И. Успенский. Рецензия на кн. В. Р. Розена. ЖМНП, 1884, кн. 4, стр. 299.

² Там же, стр. 077; ср. Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 299—300.

³ См. А. Крымский. Предисловие к статье Т. Кезма «Оповідання арабського історика Абуі Шоджі Рудраверського» в Сб. статей в честь Д. Багалея, т. I. Киев, 1927, стр. 387—388.

⁴ В. Р. Розен. Указ. соч., стр. 087—088; П. Сырку. Указ. соч., стр. 78—82; Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 286, 298—300.

⁵ Там же, стр. 177—178, также стр. 061—062.

⁶ См. выполненный В. Р. Розеном перевод этого места в книге П. Сырку. Указ. соч., стр. 77—84; ср. В. Р. Розен. Указ. соч., стр. 181 сл.

Яхъя перечисляет патриархов, поставленных при Цимисхии, и переходит к сообщению о войне греков против Руси. Здесь историк рассказывает об осаде города Тайсара (Доростола), которая продолжалась три года (Розен справедливо считает это искажением — вместо «три месяца»), и о победе греков, в результате которой руссы возвратились на родину, а Болгария попала под власть Византии. Из сравнения с дальнейшим изложением становится ясным, что поход Цимисхия в Болгарию относился к 360 г. хиджры (4 ноября 970—23 октября 971 гг.), тогда как в 361 г. император вел уже войну на берегах Евфрата¹.

Известия Яхъя о русско-византийской войне ничем не противоречат показаниям Льва Диакона и Скилицы; вполне возможным представляется поэтому предположение М. Я. Сюзюмова, что историк заимствовал свои сведения о событиях 968—971 гг. из того же первоисточника, откуда взяли их оба названных византийских писателя. Правда, убедительно доказать это мнение невозможно из-за скудости сохранившегося материала, и осторожнее было бы просто отметить, что рассказ Яхъя о русско-болгарских делах отражает фактически византийскую хронографическую традицию, наиболее полно представленную у Скилицы². Однако это не значит, что известия сирийского историка лишены всякого значения; напротив, благодаря своему обыкновению указывать точные даты Яхъя позволяет установить последовательность событий и дополняет греческих авторов некоторыми существенными подробностями.

По сравнению с показаниями Яхъя Антиохийского, значение других известий восточных писателей о событиях, связанных с Балканскими походами Святослава, относительно невелико. Исключение представляет в этом отношении армянский летописец Степанос Таронский, сохранивший прямое указание на союз Руси и Болгарии в борьбе против Византии. Чтобы иметь возможность правильно оценить это сообщение, следует ближе познакомиться с армянским писателем и его историческим сочинением.

Степанос Таронский, более известный под прозвищем Асохика, жил во второй половине X и в начале XI столетий; по всей вероятности, он умер около 1020 г.³ Асохик был родом из округа Тарона и провел большую часть своей жизни в монастырях, в том числе в знаменитой Хладдорской обители. Он получил хорошее образование, был весьма сведущ в богословских вопросах и выполнял какие-то церковно-административные поручения католикаса Саркиса, связанный с постоянными разъездами, жалуясь при этом, что эти разъезды мешают его занятиям по истории.

Исторический труд Асохика был составлен по поручению того же Саркиса и закончен в 1004 г.

Все сочинение делится на три книги; первая содержит чрезвычайно сжатый обзор истории Иудей, персидских и парфянских царей, Птолемеев и армянских Аршакидов; вторая — рассказ об армянских царях до воцарения Ашота Багратуни (885 г.); наконец, третья, составляющая по

¹ В. Р. Розен. Указ. соч., стр. 180—185; ср. П. О. Карышковский. О хронологии русско-византийской войны при Святославе. ВВ, т. V, 1952, стр. 133—134.

² М. Я. Сюзюмов. Об источниках Льва Диакона и Скилицы. Виз. О, т. II, вып. I, 1916, стр. 123, 161; ср. В. Р. Розен. Указ. соч., стр. 185; П. Сырку. Указ. соч., стр. 102—103; Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 303.

³ Асохик в своем труде, доведенном до 1004 г., свидетельствует, что в юности ему довелось видеть многих известных духовных наставников, живших в 40-х и 50-х годах X в. Ввиду этого несколько сомнительно, что он дожил до 1041—1045 гг., как это предполагает Н. Эмин (Исследования и статьи по армянской мифологии, археологии, истории и истории литературы. М., 1896, стр. 249). О жизни и трудах Асохика см. М. Абегян. История древнеармянской литературы, т. I. Ереван, 1948, стр. 438 слл.

объему более половины всего сочинения, включает повествование о событиях 885—1004 гг. и, по мере приближения к концу, становится все более подробной. Само собой разумеется, что первые две книги представляют лишь пересказ более древних сочинений, которые перечислены Асохи́ком в предисловии к его труду, и только начиная с 7-й главы книги III (928 г.), сочинение Асохи́ка, повидимому, является самостоятельным¹.

Труд Степаноса Таронского представляет собой один из важнейших источников по истории средневековой Армении и сопредельных с нею стран. Однако даже и в самостоятельной части это не более чем монастырская летопись. История трудящихся масс почти не нашла отражения на страницах истории Асохи́ка, сообщаемого подробные сведения об армянских государях и церковных иерархах, о военных событиях, о создании новых церквей и монастырей, о жизни монахов, а также о землетрясениях, затмениях, кометах и других небесных явлениях. Но при всем этом Асохи́к стремится быть аккуратным в изложении фактов, пишет простым, ясным и сжатым языком и, подобно Яхье, с необыкновенной тщательностью относится к хронологии².

Известия Асохи́ка о греческих событиях в самостоятельной части его труда распадаясь на две группы. О правлении Константина Багрянородного и Романа II он не знает никаких подробностей³, но приводит более развернутые сведения о восточных походах Никифора Фоки, Иоанна Цимисхия и Василия II. Впрочем, сообщения о первом также очень кратки и не содержат никаких противоречий с показаниями византийских историков⁴. Зато рассказ о Цимисхии гораздо более содержателен. Указав на обстоятельства воцарения императора, которое Асохи́к относит к 418 г. армянской эры (29 марта 969—28 марта 970 гг.), летописец отмечает восстание Варды Фоки и пишет, что после победы над последним Цимисхий «отправился войною на землю булхаров, которые при помощи рузов (русов) вышли против кир Жана (Цимисхия), и, когда завязался бой, рузы обратили в бегство оба крыла греческого войска». Лишь с величайшим трудом и при помощи армянского отряда император добился победы «и принудил булхарский народ покориться». Непосредственно следующее за этим известие датировано уже 421 годом⁵ (28 марта 972—27 марта 973 гг.), из чего следует, что Асохи́к относит эти события к 971 г. В дальнейшем изложении Асохи́ка содержится также немало известий, свидетельствующих о его хорошей осведомленности о событиях конца X столетия.

В настоящее время было бы рискованно пытаться отыскать конкретные исторические произведения, которые мог использовать Асохи́к. Во всяком случае его сообщения о византийских событиях не противоречат показаниям других источников, часто дополняют их и в ряде мест обнаруживают большое сходство с известиями Яхьи, хотя, разумеется, совершенно не зависимы от последних⁶. Добросовестность и хорошая осведомленность Асохи́ка придают особенный авторитет и вышеприведенному свидетельству о совместной борьбе болгар и Руси против Византии.

¹ М. Абе́гян. Указ. соч., стр. 439. Н. Эмин. Указ. соч., стр. 259.

² Н. Эмин. Указ. соч., стр. 260; ср. В. Г. Васильевский. Варяго-русская дружина в Константинополе. Труды, т. I, СПб., 1908, стр. 200.

³ Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохи́ка по прозванию, писателя XI столетия, пер. с арм. Н. Эминим. М., 1864, стр. 124. 5—22. Имеется также французский перевод Дюлорье (1883) и немецкий — Гельцера и Буркгардта (1907).

⁴ Асохи́к. История, стр. 126.33—127.18.

⁵ Там же, стр. 127.18—128.9.

⁶ В. Р. Розен. Указ. соч., стр. 334; ср. там же, стр. 80, 89—90, 192, 207, 266, 310 и 313.

Что касается известий другого выдающегося армянского летописца — Матвея Эдесского, жившего в XII в. и уделяющего в своем историческом труде, охватывающем события 401—585 гг. армянской эры (952—1132 гг.), довольно большое внимание событиям византийской истории, то в его рассказе о Никифоре Фоке и Иоанне Цимисхии, сравнительно подробном и обнаруживающем значительное сходство с известиями Льва Диакона, вовсе не содержится упоминания о болгаро-русских делах этого времени. То же можно повторить и о Вардане Великом, писателе XIII в., а также о других армянских историках и летописцах средневековья.

Равным образом и произведения собственно арабских историков и географов не содержат никаких известий о болгаро-русских отношениях в 60—70-х годах X в. Арабские историки подробно рассказывают о войнах Никифора Фоки и Иоанна Цимисхии на восточных границах империи¹, но, насколько известно², не упоминают вовсе о событиях на Дунае, если не считать единственного — и притом весьма неопределенного — замечания у Ибн-Хаукаля.

Абуль Касим Мухаммед Ибн-Хаукаль, известный путешественник и географ, оставивший изучение мусульманского богословия ради странствий, жил в середине X в. и был родом из Багдада. Он занимался торговлей и посетил многие области Ближнего Востока. Эти путешествия начались в 331 г. хиджры (943 г.), а время окончания его труда относят к 367 г. (977—978 гг.)³.

«Книга путей и государств» Ибн-Хаукаля представляет собой переработку сочинения другого географа — Истахри, выполненную по прямому поручению последнего, или, во всяком случае, восходит к одним и тем же первоисточникам; не удивительно поэтому, что сообщения Ибн-Хаукаля о славянах и руссах сходятся с показаниями Истахри⁴. Однако у него имеется и самостоятельное известие о разрушении руссами Итиля, Хазарана и Самандара, основанное на устных показаниях, собранных во время пребывания Ибн-Хаукаля в Закавказье. Арабский путешественник упоминает об этом несколько раз. Рассказывая о Булгаре, он дважды говорит, что этот город был знаменит как гавань и торговый центр, но в 358 г. хиджры (25 ноября 968—14 ноября 969 гг.) он был разрушен и разграблен руссами; в одном случае Ибн-Хаукаль добавляет, что в это же время руссы разграбили также Итиль, Хазаран и Самандар, после чего «тотчас отправились в страну румов (Византию) и в Андалус (Испанию)»⁵.

К этим же событиям арабский географ возвращается, говоря о болгарях и о Самандаре: «В настоящее время не осталось и следа ни от Булгара, ни от Буртаса, ни от Хазара, ибо руссы напали на них, отняли у них все

¹ Ср. K. Leonhardt. Kaiser Nikephoros II Phokas und die Hamdaniden. Halle, 1867; E. Honigmann. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches. Bruxelles, 1935.

² К сожалению, нам пока недоступно опубликованное М. Канаром письмо халифа Муты, имеющее, по отзыву Ф. Дельгера, существенное значение для датировки Балканских войн (F. Dölger u. A. M. Schneider. Byzanz. Bern, 1952, S. 25).

³ Об Ибн-Хаукале и его труде см. В. В. Бартольд. История изучения Востока, изд. 2, 1925, стр. 54; ср. его же введение к изданию так называемой рукописи Туманского (Худуд ал-алем. Л., 1930, стр. 14—15); также А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 214—215.

⁴ В. В. Бартольд. Худуд ал-алем, стр. 11—17; А. Ю. Якубовский. Ибн Мискавейх о походе русов на Бердаа. ВВ, т. XXIV, 1926, стр. 76—77; П. П. Смирнов. Волзький шлях і стародавні Руси. Киев, 1928, стр. 165—166; ср. M. de Goeje, Istachri Balchi Frage. ZDMG, Bd. XXV, 1871, стр. 42—58.

⁵ Рус. перевод А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 218—19—219.2 и стр. 219.17—23; ср. нем. перевод J. Marquart. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, S. 474.7—11; 475.1—3 и 2.25.

эти области и присвоили их себе», а убежавшие жители находятся в страхе, и надеются «заключить с ними мир и подчиниться им»¹.

Нельзя не признать, что приведенные известия представляют значительные трудности для понимания. Х. Френ предположил, что здесь идет речь о том же восточном походе Святослава, о котором упоминает Повесть Временных лет под 965 годом, причем он считал, что дата в летописи выставлена неверно. К такому же мнению склоняется И. Маркварт, отождествляющий вместе с тем Итиль и Саркел²; русский ориенталист А. Я. Гаркави предположил, что имели место два отдельных похода Святослава на хазар — в 965 и в 969 гг.³ Так как такое допущение не согласуется с византийскими известиями без крайних натяжек, А. А. Куник и вслед за ним Ф. Ф. Вестберг, считающие, что дата Ибн-Хаукаля верна, отказываются видеть в русских, появившихся в 969 г. в Приволжье, вообще подданных великого князя Киевского, причем Вестберг считает, будто слова «Рум» и «Андалус» должны означать, что эти руссы были... норманнами, которые якобы возвращались в Скандинавию вокруг всего побережья Западной Европы⁴. Наконец, Н. Знойко относит показание Ибн-Хаукаля к 965 г., но не указывает никаких оснований для этого, кроме того соображения, что в конце 968 и в 969 гг. Святослав не мог быть на Волге. Так же считал еще М. Н. Погодин, и тоже без всяких доказательств⁵.

Правильное разрешение вопроса дает полный текст Ибн-Хаукаля. В то время как в ставшем каноническим переводе Гаркави говорится относительно источника сведений арабского путешественника о нашествии руссов на Самандар только следующее: «Я разведал о нем в Джурджане (Грузии) по свежести памяти о нем (?)», в полном тексте Ибн-Хаукаля сказано: «Я спрашивал об этом в Джурджане в 358 г. у того, кто был там незадолго до этого», и дата относится, таким образом, не к самому событию, а ко времени, когда известие о нем достигло Закавказья, где находился в то время автор. На это обстоятельство неоднократно обращал внимание В. В. Бартольд, указывая, что и в других местах дата только по небрежности отнесена к появлению руссов в Поволжье⁶. Действительно,

¹ Ибн-Хаукаль у А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 218.12—18 и 220.6—16; ср. J. Marquart. *Op. cit.*, S. I, 26 и 2.24.

² Повесть Временных лет, под ред. В. П. Адриановой-Перетц, ч. I, М.—Л., 1950, стр. 47—3—6. Ср. Ch. Fraehn, *Ibn Fozlans Berichte über die Russen*. Petropoli, 1823, S. 66—67; J. Marquart. *Op. cit.*, S. 1—5. Это отождествление было отвергнуто — см. Ф. Ф. Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе, ЖМНП, 1908, кн. 3, стр. 5—6.

³ А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 225; ср. Д. Щеглов. Первые страницы русской истории. ЖМНП, 1876, кн. 5, стр. 67.

⁴ А. А. Куник. Известия Ал. Бекри, ч. 2, СПб., 1903, стр. 172—173; Ф. Ф. Вестберг. Указ. соч., стр. 3—5; ср. его же. *Beiträge zur Klärung der Orientalischen Quellen*. ИАН, т. XI, вып. 4, 1899, стр. 230—233. (Основательные возражения против этого взгляда см. М. Грушевский. История Украины-Руси, т. I, изд. 3. Киев, 1913, стр. 461, прим. I.)

⁵ Н. Знойко. О походах Святослава на Восток. ЖМНП, 1908, кн. 12, стр. 264—271; ср. М. П. Погодин. Норманнский период русской истории. М., 1858, стр. 49, слл. Д. А. Хвольсон, также соединяющий оба показания, принимает для похода на Восток 968 г. См. Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, ... славянах и русских Ибн Даста. ЖМНП, 1868, кн. 12, стр. 659.

⁶ В. В. Бартольд. История изучения Востока, стр. 167; его же. Место Прикаспийской области в истории. Баку, 1925, стр. 43; его же. Арабские известия о русах, СВ, т. I, 1940, стр. 34—35. Ср. рус. перевод Ибн-Хаукаля у А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 220 и немецкий у J. Marquart. *Op. cit.*, S. 1—2. Неправильность старого перевода зависит от того, что Гаркави пользовался лишь выписками, приведенными Френом, а Маркварт имел в своем распоряжении полный текст Ибн-Хаукаля, изданный де Гье только в 1873 г.

по всему смыслу сообщений Ибн-Хаукаля видно, что между разрушением города и моментом, когда беглецы убедились, что русская власть в Нижнем Поволжье утверждена прочно, и начали переговоры о возвращении на прежнее место проживания, должно было пройти немало времени. Такое истолкование принято акад. Б. Д. Грековым и другими советскими исследователями¹.

Что касается известия о походе руссов на Рум и Андалус, с одной стороны, и о разорении ими Булгара и земли буртасов, с другой, то для правильного их разумения необходимо иметь в виду компилятивный характер труда Ибн-Хаукаля и особенности арабской книжной культуры средневековья вообще². Исходя из этого, можно признать соответствующим действительности только сообщение о походе на Рум и видеть в нем указание на Балканский поход Святослава. Упоминание же Андалуса — Испании является путаницей, возникшей в результате неудачной попытки Ибн-Хаукаля сопоставить события в стране хазар с событиями, происходившими в то же время в Испании. В этом убеждает другое место, где говорится о периодически повторяющихся нападениях на Испанию руссов, тюрков, славян и печенегов³. Подобной же путаницей является и известие об опустошении Булгара и страны буртасов. В этом месте сочинения Ибн-Хаукаля явно перепутаны дунайские и волжские болгары, и можно полагать, что арабский писатель, услышав об успехах Святослава в Дунайской Болгарии, «смешал этих болгар с волжскими и свою догадку о том, как русы могли дойти по Волге до хазар, выдал за действительный факт»⁴. В самом деле, трудно было бы объяснить, принимая известие о полном разрушении Булгара, наличие монет, битых в Булгаре и Суваре уже в 366 г. хиджры и свидетельствующих о торговом процветании города; следует также добавить, что сам Ибн-Хаукаль говорит о продолжающейся в его время торговле руссов в Хазаране и тем косвенно свидетельствует против нарисованной им же самим картины полного разгрома этого города⁵. Не лишено, кроме того, значения, что Аль Мукаддаси, географ, писавший в 375 г. хиджры (985—986 гг.), знает лишь о падении Итиля, завоеванного «племенем (или войском) из Рума, которое зовется Русь»,

¹ Б. Д. Греков. Волжские болгары в IX—X вв., ИЗ, кн. 14, 1945, стр. 15; его же. Киевская Русь, стр. 455—456; М. И. Артамонов. Белая Вежа. СА, т. XVI, 1952, стр. 42—44; В. В. Мавродин. Образование Древнерусского государства, стр. 261—265; А. Ю. Якубовский. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях. ИАН СИФ, т. III, вып. 5, 1946, стр. 470. Иначе считает В. Мошин, признающий дату Ибн-Хаукаля стоящей вне всякого сомнения и отказывающийся видеть какую-либо связь между походами Святослава и известием Ибн-Хаукаля. См. В. Мошин. Русь и Хазария при Святославе. S. Kond, t. VI, 1933, p. 195—196. Однако В. Мошин не знаком с аргументацией В. В. Бартольда в ее наиболее полной форме, а его попытка усмотреть в руссах, совершивших поход на Волгу в 969 г., скандинавских викингов из Тмутаракани совершенно не убедительна, так как покоится на абсолютно произвольных соображениях о существовании «норманского населения» на Тамани (там же, стр. 201, слл.).

² См. В. В. Бартольд. Худуд ал-алем, стр. 6—11; его же. Арабские известия о руссах, стр. 41; И. Ю. Крачковский. Арабские географы, ИГТО, т. 69, кн. 5, 1937, стр. 740—748.

³ В. В. Бартольд. Арабские известия о руссах, стр. 49; J. Marquart. Op. cit., S. 475. Ср. русский перевод Ибн-Хаукаля — А. А. Куник. Известия Ал Бекри, ч. 2, стр. 172.

⁴ В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 36; его же. Место Прикаспийской области, стр. 44; П. П. Смирнов. Волжский шлях, стр. 165; Ф. Ф. Вестберг. К анализу восточных источников. ЖМНП, 1903, кн. 2, стр. 386—389. Иначе считает А. Ю. Якубовский. О русско-хазарских отношениях, стр. 471—472.

⁵ Ибн-Хаукаль у А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 219, 22; ср. J. Marquart. Op. cit., S. 475.1—3, а также стр. 374—375. См. А. П. Смирнов. О возникновении государства волжских болгар. ВДИ, 1938, кн. 2, стр. 112; его же. Волжские булгары, стр. 38—39.

и ничего не сообщает о падении Булгара или завоевании земли буртасов¹.

Наконец, следует отметить, что у арабских писателей сохранилось и другое известие о восточном походе Святослава. Оно находится в историческом сочинении Ибн-Мискавейха, казначея Буидского султана, историка, филолога и врача, умершего в 421 г. хиджры (1030 г.). Этот же рассказ повторен в обширной истории Ибн-ал-Асира, жившего в Сирии в XII—XIII вв. При этом Ибн-ал-Асир пересказывает в интересующем нас месте Ибн-Мискавейха, а среди материалов последнего была какая-то полная хроника, неизвестная нам ближе².

Рассказ Ибн-Мискавейха и Ибн-ал-Асира весьма краток. По их словам, в 354 г. хиджры (7 января—27 декабря 965 г.) на землю хазар напали «тюрки», и когда хазары обратились за помощью к хорезмийцам, последние согласились оказать помощь лишь на условии принятия хазарами ислама. Когда же, при поддержке хорезмийцев, нападение было отражено, в ислам обратился и хазарский князь, который прежде воздерживался от этого.

Несмотря на то, что подробности приведенного рассказа возбуждают большие сомнения, все же можно полагать, что здесь идет речь о походе Святослава, известие о котором сохранилось в «Повести Временных лет» и у Ибн-Хаукаля³. В хорезмийцах следует видеть при этом не жителей Хорезма, а стражу хазарского бега, состоявшую из хорезмийцев и насчитывавшую 12 тыс. человек⁴. Наименование же руссов тюрками можно истолковать как свидетельство о том, что «в составе русских дружин в качестве их союзников шли и какие-то тюркские отряды», подобно тому как это было во время похода Владимира на волжских болгар, описанного в летописи под 6493 годом⁵.

Если, таким образом, в произведениях арабской письменности можно отыскать — хоть и в искаженном виде, — известия о Руси и ее отношениях к соседним народам в 60-х и 70-х годах X в., то западноевропейские хронисты той поры, ограниченные в своих интересах узкими локальными рамками, нигде не упоминают об этих событиях. Некоторое значение имеет, строго говоря, свидетельство одного только западного современника — Лиутпранда Кремонского, посетившего в 968 г. Константинополь и оставившего описание своей поездки; в этом описании имеются сообщения,

¹ Аль Мукаддаси у А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 282, 13—14; ср. J. Marquart. Op. cit., S. 3.25. Еще более поздний писатель Аль Магриби (ум. 1275 г.) приписывает этот поход против волжских болгар аламанам (?), см. Б. Дорн. Каспий. СПб., 1875, стр. 522; также Ф. Ф. Вестберг. К анализу восточных источников. ЖМНП, 1903, кн. 3, стр. 5.

² А. Ю. Якубовский. Ибн-Мискавейх о походе русов на Бердаа, стр. 64 и 69—70; А. А. Васильев. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. СПб., 1900, Прил., стр. 83—88.

³ Известие Ибн-ал-Асира см. В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 31—34 и сл.; ср. J. Marquart. Op. cit., S. 4. Краткое упоминание о том же событии содержится также у Димешки.

⁴ J. Marquart. Op. cit., S. 4—5; ср. Ф. Ф. Вестберг. К анализу восточных источников. ЖМНП, 1903, кн. 3, стр. 6—7. Из ссылок Маркварта следует исключить в этом месте указание на Ибн-Фадлана; ср. соображения, высказанные в академическом издании последнего (Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, перев. и комментарии под ред. И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939, стр. 165, прим. 1157). Ср. А. Ю. Якубовский. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар. СА, т. X, 1948, стр. 261—262 и 269—270.

⁵ В. В. Мавродин. Указ. соч., стр. 262—265; ср. Ф. Ф. Вестберг. Указ. соч., стр. 6. К числу тюркских народов относит руссов также Ибн-Халдун (XIV в.); ср. Б. Дорн. Каспий, стр. 516.

которые следует принять во внимание при изучении Балканских войн Святослава и византийско-болгарских отношений того времени.

Лиутпранд родился в Верхней Италии около 920—925 гг.¹ и происходил из кругов феодальной знати, тесно связанной с королевским двором. В 927 г. его отец ездил по поручению Гугона Прованского в Константинополь, а несколькими годами позднее туда же был отправлен в качестве посла и его отчим. Лиутпранд получил хорошее по его времени образование и по распоряжению того же короля Гугона был посвящен в диаконы. Однако вскоре мы находим его в должности секретаря при дворе другого претендента на итальянский престол — Беренгария Иврейского, а в 949 г. будущий историк уже сам возглавляет посольство в Византию², где он познакомился с греческим языком и литературой. По возвращении на родину он нашел большие перемены: итальянские феодалы, тактика которых, по наблюдению самого историка, заключалась в том, чтобы иметь одновременно двух сеньеров и сталкивать их друг с другом³, обвиняли Беренгария и его жену Виллу в жадности и произволе и искали у германского короля Оттона помощи против «тирании». Среди недовольных оказался и Лиутпранд, который в начале 956 г. находится уже в Германии. При дворе Оттона I он подружился с испанским епископом Редемундом, послом кордовского халифа, и по его просьбе приступил вскоре к составлению своего первого исторического сочинения, в котором откровенно обещает свести счеты со своими личными врагами⁴. Работа над этим произведением затянулась на несколько лет и продолжалась до 962 г.; около этого времени историк стал, по воле Оттона, епископом Кремоны и на протяжении последующих лет играл заметную роль в политических событиях⁵, а в 968 г. был послан в Константинополь с важным дипломатическим поручением. Встретив серьезное сопротивление Византии в своих попытках завоевания Южной Италии, Оттон вознамерился получить Апулию и Калабрию в качестве приданого, женив своего сына на греческой царевне⁶. Однако Никифор Фока не только не обнаружил желания лишиться итальянских владений, но выдвинул, в свою очередь, требование о восстановлении независимости Рима. Раздражение против германского вторжения в Италию было настолько велико, что Лиутпранд был принят весьма сдержанно и к нему относились скорее как к соглядатаю, чем как к послу. Только в начале следующего, 969 г., он добрался до Италии и вскоре после возвращения умер; во всяком случае, в марте 973 г. упоминается уже другой епископ Кремоны⁷.

¹ О Лиутпранде см. Л. Беркут. *Етюди з джерелознавства середньо історі*. Киев, 1928, стр. 122, слл.; A. Molinier. *Les sources de l'histoire de France*, vol. I. Paris, 1906, p. 274 sqq; A. Ebert, *Allgemeine Geschichte der Litteratur des Mittelalters*, Bd. III. Leipzig, 1887, S. 414 ff; W. Wattenbach. *Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter*, Bd. I, 6. Aufl. Berlin, 1893, S. 423 ff; о жизни его см. также введения Беккера и Дюммлера к изданиям произведений Лиутпранда.

² Liudprandi ep. Cremonensis *Antapodosis*, VI, 3; 5—10, *Opera omnia*, rec. E. Dümmler, 2 Aufl. Hannoverae, 1877, pp. 119—123.

³ Liudprandi *Antapodosis*, I, 37. *Opera*, p. 21.

⁴ Особенно *Antapodosis*, III, I, *Opera*, p. 56.

⁵ R. Köpke und E. Dümmler. *Kaiser Otto der Grosse*. Leipzig, 1876, S. 325 ff., особенно S. 415 ff.; ср. I. Becker. *Die Werke Liudprands von Cremona*, Hannover, 1915, S. IX ff.

⁶ О положении в Италии в это время см. J. Gay. *L'Italie méridionale et l'empire Byzantin*. Paris, 1904, p. 290 sqq; W. Giesebrecht. *Geschichte der Deutschen Kaiserzeit*. Bd. I, 5. Aufl. Leipzig, 1881, S. 376 ff., особенно S. 494 ff.; G. Schlumberger. *Un empereur byzantin du X s. Nicéphore Phocas*. Paris, 1890, p. 577 sqq.

⁷ Л. Беркут. *Указ. соч.*, стр. 125; R. Köpke und E. Dümmler. *Op. cit.*, S. 476, Anmerk. 3; S. 506, Anmerk. 3.

Литературное наследство Лиутпранда состоит из трех произведений¹. На первом месте следует поставить упомянутый выше «Антаподосис», представляющий собой историю европейских государств от смерти Карла Толстого до половины X в. (888—950 гг.). Затем Лиутпранду принадлежит небольшая по объему «История Оттона» — рассказ об итальянском походе 963—964 гг. — и, наконец, отчет о поездке в Константинополь в 968 г. Не касаясь в настоящем случае первых двух сочинений (хотя в Антаподосисе содержится сообщение о походе Игоря и целые главы, посвященные византийским событиям и восходящие, по всей вероятности, к греческим источникам)², следует остановиться на последнем, которое является, несмотря на свой резко-тенденциозный характер, одним из ценнейших источников по истории Византии в X в.³

Лиутпранд начинает свой отчет, при составлении которого он, как можно предполагать, располагал собственными записями, сделанными на месте (об этом свидетельствует большое количество точных календарных дат)⁴ с рассказа о своем прибытии в Константинополь; он жалуется, что посольство было размещено в непригодном помещении, что ему и его спутникам запрещали всякое общение с внешним миром (хотя при этом остается неясным, каким образом ему удалось приобрести те драгоценные ткани, которые при отъезде были у него отобраны, как не подлежащие вывозу); даже пища и вино вызывают у него насмешливые замечания по адресу греков. Главная цель посольства оставалась невыполненной: византийцы отвергали, прежде всего, право германского короля именоваться императором, а относительно предполагавшегося орака дали сначала резко отрицательный ответ⁵, а затем потребовали серьезных уступок в Италии. Неудивительно поэтому, что кремонский епископ был рад, когда ему удалось получить разрешение на отъезд, и покинул Константинополь, где он провел четыре месяца (от 4 июня до 2 октября 968 г.), излив свои чувства в стихотворении, начертанном на стене дворца, служившего посольству местом пребывания. Последние главы неоконченного отчета содержат рассказ о дальнейших мытарствах Лиутпранда во время сухопутного и морского путешествия в Италию.

В отчете Лиутпранда, написанном, по удачному выражению одного из ученых, ядовитым пером смертельно оскорбленного врага⁶ не приходится,

¹ О сочинениях Лиутпранда см. Л. Беркут. Указ. соч., стр. 125—133; A. Ebert. Op. cit., S. 416—427 и указанную там литературу, а также старую, но не утратившую своего значения диссертацию R. Köpcke. De vita et scriptis Liudprandi. Berlin, 1842. Вряд ли можно принять гипотезу, будто Лиутпранд имел в виду объединить все свои сочинения в одно целое (C. Dändliker und I. I. Müller. Liudprand von Cremona und seine Quellen. Leipzig, 1871, S. 21 ff.); ср. возражения E. Dümmler. Zum Liudprand von Cremona. «Historische Zeitschrift», Bd. 26, 1871, S. 275.

² Об использовании Лиутпрандом византийских источников см. F. Köhler. Beiträge zur Textkritik Liudprands. «Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde», Bd. VIII, 1883, S. 76—77; C. Dändliker u. I. I. Müller. Op. cit., S. 43 ff.; 104 ff.; 147 ff.; 168 ff.; S. 264—288.

³ Liudprandi Relatio de legatione Constantinopolitana. Opera, p. 136 sqq. См. М. В. Левченко в книге «Сборник документов по социально-экономической истории Византии», стр. 137—138; ср. G. Schlumberger. Un empereur byzantin au X siècle; Nicéphore Phocas. Paris, 1890, p. 599. Вряд ли можно согласиться с теми, кто называет отчет Лиутпранда памфлетом против византийского двора и отказывает его сообщением во всяком доверии (L. v. Ranke. Weltgeschichte, Bd. VIII. Leipzig, 1887, S. 634; J. Gay. Op. cit., S. 305).

⁴ C. Dändliker und I. I. Müller. Op. cit., S. 260.

⁵ Liudprandi Relatio, cap. 15—16. Opera, стр. 143—144. Этот ответ является лучшим комментарием к соответствующим инструкциям, изложенным в 13-й главе наставлений Константина Багрянородного (Constantini Porphyrogeniti de administrando imperio, ed. Gy. Moravcsik. Budapest, 1949, p. 66—76).

⁶ W. Giesebrecht. Op. cit., S. 523.

разумеется, видеть точной и объективной картины положения Византийской империи; однако ряд подробностей является в высшей степени ценным свидетельством современника и очевидца: так, автор сообщает о го-лоде и дороговизне припасов в столице, дает живую зарисовку действий византийских таможенных властей, приводит любопытные высказывания Никифора Фоки о могуществе византийского флота и т. п. Для наших целей важны некоторые детали, относящиеся к области византийско-болгарских отношений и способствующие выяснению обстановки и характера Балканских походов Руси.

На первом месте следует, безусловно, поставить известие Лиутпранда о виденном им болгарском посольстве¹. По словам историка, оно явилось в Константинополь 28 июня и на следующий день удостоилось торжественного приема, а на последовавшем после этого обеде болгарский посол был посажен выше самого епископа, причем в объяснении, данном по этому случаю послу Оттона, болгарский царь Петр был назван тем титулом (*vasileus*), которого греки упорно не желали признавать за государем «овчинной» (*ginnatae, id est pelliceae*) Саксонии. Отсюда следует, что летом 968 г. отношения между Византией и Болгарией были дружественными — во всяком случае, по внешности — и рассказ Льва Диакона о резком разрыве между ними не вполне точен, так что ему следует предпочесть версию хронистов, ничего не знающих об оскорблении болгарских послов и сообщающих лишь о походе Никифора Фоки к болгарской границе². С другой стороны, болгарское посольство летом 968 г. было прямым следствием заключенного в 927 г. и подкрепленного соглашением 963 г. мирного договора; в Преславе, видимо, ничего не знали о коварном плане Никифора завоевать Болгарию с помощью Руси и при первом появлении руссов на Дунае (вернее, даже при слухах о готовящемся походе) обратились в Константинополь за помощью. Вместе с тем, этот рассказ свидетельствует и о правильности хронологии Балканских войн у Скилицы; представляется, во всяком случае, маловероятным, что Святослав укрепился на Балканах еще в 967 г. и что только через год болгары завязали сношения с Византией, да и Лиутпранд, хорошо знающий как народ Рос, так и болгар и их царя Петра, вряд ли умолчал бы о войне, если бы последняя продолжалась уже около года³.

Правильность приведенного предположения подтверждается и другими фактами, о которых рассказывает Лиутпранд. В 29-й главе он сообщает об отправленном в Италию византийском флоте, причем указывает, что в составе его находилось два русских корабля⁴. Этот факт не удивителен сам по себе, — известно, что со времени заключения русско-византийского договора 907 г. русские постоянно встречаются на службе империи, и притом именно во флоте⁵, но факт этот может служить доказательством того, что в это время Русь рассматривалась в Константинополе не как враждебная, но как союзная сила (что опять-таки невероятно на втором году пребывания Святослава на Дунае), между тем как при обострении русско-византийских отношений греки руководствовались обычно правилом, что

¹ Liudprandi. Op. cit., cap. 19, p. 144—145.

² Leo, pp. 61.13—61.11; Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 372.1—18; Zonaras, col. III, p. 512.18—513.14. См. об этом П. О. Карышковский. О хронологии русско-византийской войны при Святославе, стр. 137, прим. 5.

³ Ср. В. Н. Златарски. История на Българската държава през средните векове, т. I, ч. 2. София, 1918, стр. 581—584.

⁴ Liudprandi. Relatio, cap. 29, p. 148. Лиутпранд видел эту эскадру в день ее отплытия, 20 июля.

⁵ Constantini Porphyrogeniti de cerimoniis, II, 44—45; vol. I, ed. Bonn, 1829, p. 651.18—674.11.

нельзя верить охранение империи «единоплеменникам враждебного народа»¹. Такому пониманию отмеченных сообщений Лиутпранда не противоречат и его известия о венгерских набегах на византийские владения в 968 г.: в марте этого года венгерский отряд захватил под Фессалоникой в плен значительное число греков и увел их в Венгрию²; по свидетельству Лиутпранда, такие нападения не прекратились и летом, так что его возвращению в конце июля препятствовали, по словам греков, венгры, прервавшие всякое сообщение по суше³. Эти указания позволяют понять ту роль, которую играли венгры в предприятиях Святослава: к нему присоединились, надо полагать, отряды венгерских всадников, нападавшие на византийские владения еще до появления русских войск на Балканах⁴.

Рассмотренные свидетельства исчерпывают собой круг известных нам письменных источников, имеющих отношение к русско-болгарским и русско-византийским отношениям 960-х—970-х годов. Как можно видеть, они подтверждают взгляд на Балканские войны 968—971 гг. как на одно из крупнейших событий этой поры, которое имело большое международное значение. Вместе с тем рассмотренные источники не противоречат в основных и существенных чертах показаниям византийской исторической литературы и «Повести Временных лет», но дополняют и отчасти исправляют сообщения греческих историков и хронистов. При этом несомненно, что значение столь разнородных и не связанных между собой источников, как хроники Яхьи и Асохика, отчет Лиутпранда, известия арабских писателей и, наконец, памятники византийской художественной литературы X в., не одинаково. Известия армянского современника, хорошо осведомленного о византийских делах, или сирийского летописца, жившего всего поколением позже и несомненно располагавшего греческими материалами (быть может, той же утраченной хроникой Феодора Севастийского, на которую ссылается Скилица), заслуживают доверия в большей степени, чем краткие упоминания арабских географов и даже поздних византийских хронистов. Однако и современные стихотворения византийского поэта и случайные наблюдения посла германского императора представляются нам существенными и позволяющими уточнить некоторые детали интересующих нас событий. Если «Филопатрис» и отчет Кременского епископа ценны главным образом благодаря наличию в них фактических и хронологических показаний, то в рассказе Асохика и в стихотворениях Иоанна Геометра мы находим, кроме того, свидетельство о существовании союза между Русью и болгароами во время второго похода Святослава на Балканы (лето или осень 969 г.—весна 971 г.). Наконец, рассказ Яхьи Антиохийского подтверждает заключения, получаемые из других источников, а сообщения Ибн-Хаукаля и других арабских писателей свидетельствуют, что память о походах русского князя сохранилась долгое время не только на Руси и у греков, но и среди народов Востока.

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. I. СПб., 1908, стр. 308.

² Liudprandi. Op. cit., cap. 45, p. 155; quam obsideatis Barea etc. Дату этого разбойничьего нападения Оттона на Бари дает с правильным указанием месяца, но с ошибкой на один год. Луп Протоспафарий (MGH. SS vol. V, p. 55): introivit Otto rex in Aouliam mense Martii et obsedit civitatem Bari (относительно хронологии см. J. Gay. Op. cit., p. 304). Именно в это время Лиутпранд отправился в свое путешествие (см. Liudprandi. Op. cit., cap. 57, p. 161).

³ Liudprandi. Op. cit., cap. 46, p. 156.

⁴ Leo, p. 108.14—15; Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 384.14—15; 386.5; Zonaras, vol. III, p. 523.18. Ср. также Scylitza, p. 346.21—347.1 и 372.5—7 (Zonaras, p. 512.18—513.3).